

торы и т. д.); автоматизированные системы управления производственными процессами, движением транспорта и системами безопасности; персонал объектов, которые могут быть отнесены к КВО, и др.

Выделение критических элементов КВО, причинение вреда которым может повлечь нарушение или прекращение функционирования таких объектов и, соответственно, тяжелые последствия для политической, экономической или иной сферы национальной безопасности Республики Беларусь, позволяет обоснованно дифференцировать государственные и общественные ресурсы для обеспечения безопасности соответствующих видов КВО.

Рассмотренные существенные признаки позволяют определить КВО следующим образом – это *действующее в форме юридического лица (на правах юридического лица) предприятие или организация (их обособленный компонент), которое входит в критически важную инфраструктуру государства, а нарушение его нормального функционирования или прекращение его деятельности может повлечь за собой тяжелые последствия для политической, экономической или иной сферы национальной безопасности Республики Беларусь.*

Изложенное позволяет сделать следующие выводы.

1. Юридическую характеристику правовых явлений (в широком смысле) можно определить как систему взаимосвязанных обобщенных данных о наиболее типичных свойствах различных объектов реальной действительности, основанную на закономерностях науки информационного права и практики реализации составляющих его правовых норм. Основными компонентами такой юридической характеристики будут являться: правовая природа явления, внешние юридически значимые признаки явления, отражающие особенности его выражения вовне.

2. Разработка правовой природы правовых явлений прямо связана с определением его понятия, которое формируется на основе выделенных существенных признаков, присущих объектам правовой действительности. Признаки выделяются, на основе подходов, сложившихся в теории права и информационном праве, положений действующих нормативных правовых актов, а также практики реализации юридических норм. Каждый признак должен быть раскрыт, указано его правовое значение, которое, как правило, отражает характер юридически значимых последствий при функционировании объекта в правовой реальности.

3. Внешние юридически значимые признаки явления в области информационного права будут характеризовать его форму и выражаться в зависимости от его правовой природы. Все явления в области информационного права могут быть отнесены к одной из четырех групп в зависимости от характера внешнего проявления.

4. Правовая природа выражает содержание (сущность) любого правового явления, а внешние юридически значимы признаки – его форму (явление), поэтому раскрытие правовой природы таких явлений позволит четко определить их роль и место в системе аналогичных феноменов, а определение его формы даст возможность сконструировать правовые нормы, направленные на их регламентацию.

1. Алексеев, С.С. Общие дозволения и запреты в советском праве / С.С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1989. – 288 с.
2. Баулин, Ю.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния / Ю.В. Баулин. – Харьков : Основа, 1991. – 360 с.
3. Тер-Акопов, А.А. Юридическая логика : учеб. пособие / А.А. Тер-Акопов. – М. : ИКФ Омега-Л, 2002. – 256 с.
4. Кондаков, Н.И. Логический словарь-справочник / Н.И. Кондаков. – М., 1976. – 2-е изд., испр. и доп. – 580 с.
5. Спиркин, А.Г. Философия : учебник / А.Г. Спиркин. – 2-е изд. – М. : Грдарики, 2006. – 736 с.
6. Кашанина, Т.В. Правовые понятия как средство выражения содержания права / Т.В. Кашанина // Совет. государство и право. – 1981. – № 1. – С. 36–43.
7. Язык закона / Боголюбов С.А. [и др.]; под ред. А.С. Пиголкина. – М. : Юрид. лит., 1990. – 192 с.
8. Гражданский кодекс Республики Беларусь, 07 дек. 1998 г., № 218-3 // Ведамасці Нац. сходу Рэспублікі Беларусь. – 1999. – № 7–9. – Ст. 101.
9. Положение об отнесении объектов информатизации к критически важным и обеспечении безопасности критически важных объектов информатизации : Указ Президента Республики Беларусь, 25 окт. 2011 г., № 486 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2011. – № 121. – 1/13026.
10. Об обороне : Закон Респ. Беларусь, 3 нояб. 1992 г., № 1902-ХІІ, в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2002 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2002. – № 84. – 2/878.

УДК 342.2

А.Л. Савенок

ПОНЯТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПНОГО И ИХ СООТНОШЕНИЕ

Учение о преступлении справедливо занимает центральное место в уголовном праве, поскольку само понятие преступления является базовым институтом и образует основной компонент предмета науки уголовного права. Попытки сформулировать универсальное понятие преступления так же давни, как и сама наука уголовного права, и в то же время безуспешны. В различных государствах действующее законодательство относит к преступлениям огромное количество поступков человека. Именно поэтому по своей значимости понятие преступления

претендует на статус частнонаучной категории. Кроме того, понятие преступления может служить своеобразным примером того, как, объединяясь с познаниями философскими и историко-правовыми, частнонаучные знания в области уголовно-правовой науки помогают раскрытию этого понятия на более высоком общетеоретическом уровне.

Преступление имеет социальную природу, проистекает из социальных условий жизни конкретного общества; тесно связано с явлением преступности, которая имеет свои причины и не может быть сведена к совершению конкретного преступления. Как известно, преступность как социальное явление – это предмет криминологии. Сложилось мнение, что она появилась с расколом общества на антагонистические классы и нормы о преступлениях и наказаниях стали выражать волю экономических и политически господствующих групп людей – прежде всего, в охране власти и собственности. В то же время ученые-криминологи отмечают, что нет поведения, преступного самого по себе: те или иные виды поведения превращаются в категорию преступного под влиянием всеобщих социальных факторов (исторических, политических, экономических, социокультурных, этнопсихологических, нравственных, правовых), определяющих социодинамику развития общества, формирующих его политико-правовой режим и правовую систему [1, с. 12]. Следовательно, в зависимости от круга избираемых критериев один и тот же поведенческий акт может оцениваться различно.

Историческая изменчивость содержания преступления отражает его социальную природу. Общественные перемены неизменно влекут появление новых преступлений (криминализация), их изменение или отмену (декриминализация) [2]. Значит, социальную природу преступления определяют ценности, которые существуют в тот или иной период развития конкретного общества на определенной территории. В то же время понятие преступления получает правовое закрепление в уголовном законе и поэтому выступает в качестве правового явления. Такая двойная природа преступления обуславливает его суть как социально-правового явления. Анализ содержательной стороны понятия преступления в историческом аспекте показывает, что в разные времена у разных народов приоритет отдавался или защите человека, или общества, или государства.

Преступность как своеобразная реакция государства (общества) влияла на становление и развитие уголовного права. Однако оно формировалось не стихийно, а под воздействием определенных научных идей. Изучая современное уголовное право, исследователи традиционно говорят о направлениях (школах), сыгравших решающую роль в его становлении, при этом подробно излагая дискуссионные проблемы,

возникающие в классическом, антропологическом и социологическом направлениях.

Не останавливаясь подробно на классификации основных направлений уголовного права, отметим, что примерно во второй половине XVIII в. первым возникло классическое направление, к ярким представителям которого относят Ч. Беккариа [3]. Именно идеи Ч. Беккариа, нашедшие реализацию в Уголовном кодексе Франции в 1791 г., не только оказали заметное влияние на европейскую уголовно-правовую мысль, но и воплотились далеко за пределами континентальной Европы. Основные идеи классической школы уголовного права выражаются в формулировании принципа законности (*nullum crimen, nulla poena sine lege*). Отсюда следует, что преступление носит формальный характер и первостепенное внимание сконцентрировано на общественно опасном деянии (юридически значимых свойствах). Заслуга ученых-классиков, как верно отмечает Б.В. Волженкин, состоит в глубокой разработке таких институтов уголовного права, как состав преступления, вина и ее виды, соучастие, покушение и др. Много внимания уделялось уголовной догматике – тщательной разработке и изучению признаков составов конкретных преступлений [4, с. 93]. Во многом благодаря положениям классической школы в уголовном праве выделились его Общая и Особенная части.

Идеи классической школы уголовного права стали фундаментом для формирования уголовного законодательства многих европейских стран, в том числе и отечественного уголовного законодательства. По мнению Э. Ферри, «эта школа преследовала и преследует практическую цель – смягчение наказаний и в значительной степени их уничтожение, благородно реагируя, таким образом, против жестокостей Средних веков; у нее также был и сохранился свой научный метод – априорное изучение преступления как абстрактной юридической сущности» [5, с. 23]. Главным недостатком классической школы уголовного права считается приверженность ее сторонников к анализу текста закона, конструированию и комментированию уголовно-правовых институтов и норм в связи с волей законодателя, в отрыве от конкретных социальных и исторических условий. В результате, как отметил А.Н. Трайнин, субъект преступления, наполняющий суды и тюрьмы, оказался изгнанным из системы уголовного права – за весьма редкими исключениями в системе общей части ему не уделялось самостоятельного внимания [6, с. 14].

Анализ положений классической школы права свидетельствует, что основное влияние на ее формирование оказал легистский тип правопонимания, в котором право отождествляется с законом, а сам закон трактуется формально. Для данного типа правопонимания характерно

стремление избежать связи закона с социальным контекстом. Легистский тип наиболее последователен и обладает несомненными достоинствами. Главное в них, полагает В.П. Реунов, – это то, что при таком подходе точно известно, что можно считать правовым поведением, а что относится к противоправному [7, с. 56]. Именно легистский тип правопонимания наиболее основательно приблизился к исследованию конкретных проблем правового регулирования, в том числе исследования эффективности права.

В XIX в., в значительной степени под воздействием развития естественных наук, в теории уголовного права возникли новые направления – антропологическое и социологическое. Их формирование и развитие в значительной мере явилось реакцией на недостатки классической школы права, прочно утвердившейся к этому времени не только в юридической теории, но и в практике.

Основателем антропологической школы считается Ч. Ломброзо, который активно использовал биологические особенности преступного поведения, перенес их из области общих рассуждений в область науки и прикладного опыта. Он объявил всех преступников особой расой, или органическим типом, поведение и склонности которого представляют собой возврат к диким предкам; указал анатомические признаки этого типа. Критически освещая эту теорию, В. Соловьев отметил, что антропологическая школа уголовного права исходит из убеждения, что душевная деятельность если не сама по себе, то как предмет научного исследования и достоверного знания полностью определяется анатомо-физиологическим субстратом человеческой жизни, а потому преступность как аномалия душевной жизни сводится к тем или другим аномалиям анатомо-физиологических условий этой жизни [8, с. 121].

Последователи антропологической школы признают Ф.Й. Галля, создателя френологии, ее родоначальником [8, с. 117]. В целом же основу антропологической теории составляют философские идеи представителей вульгарного материализма, утверждавших, что на поведение человека влияют преимущественно естественно-биологические факторы, а вовсе не воздействие внешней среды: причины преступности заложены в биологической природе человека с момента его рождения, а само преступление столь же естественно, как рождение или смерть. В этом и заключается суть идеи прирожденного преступника. Сторонники антропологической школы предлагали весьма радикальные меры борьбы с преступностью (применение смертной казни, пожизненная каторга, телесные наказания, ссылка преступников в колонии и пр.). Кроме того, они также активно выступали за введение мер социальной защиты, однако к этому времени в Европе возобладали иные тенденции. Как верно отметил М. Фуко, в начале XIX в. «исчеза-

ет грандиозное зрелище физического наказания; избегают казнимого тела; из наказания исключается театрализация страдания» [9, с. 22]. Наказание перестало сосредотачиваться на пытке, и основной его целью стало лишение имущества или прав. Хотя, по словам Н. Кристи, даже в наши дни так и не удалось уменьшить зависимость от боли при исполнении наказания [10].

Несмотря на явную антинаучность с позиций современной науки многих положений антропологической школы уголовного права, ее применение представителями эмпирических методов исследований, использование достижений иных наук существенно обогатили теорию уголовного права. Необходимость изучения личности преступника с целью наиболее эффективного применения к нему профилактических мер, смещение акцента с преступления как деяния на человека – главные заслуги Ч. Ломброзо и его сторонников. Возникновение криминологии, обращение к личности преступника произошло во многом благодаря именно антропологической школе.

Вместе с тем с исчезновением наказания как технологии причинения страдания возникла проблема иного порядка. «Если, – пишет М. Фуко, – система исполнения наказания в самых строгих ее формах уже больше не обращена на тело, тогда за что же она цепляется? Ответ теоретиков – тех, кто открыл в 60-х годах XVIII в. период, который пока еще не завершился, – прост, почти очевиден. Он как бы содержится в самом вопросе. Если не тело, то душа. Испуление, которое некогда терзало тело, должно быть заменено наказанием, действующим в глубине, – на сердце, мысли, волю, наклонности» [9, с. 26]. Однако эта фундаментальная идея, которая отражает понимание антропологического направления в уголовном праве, к сожалению, не нашла должного отражения в исследованиях по уголовному праву. Предложения сторонников Ч. Ломброзо сделать человека (а не преступление как деяние) приоритетом изучения не получили соответствующего научного развития в XX веке. Поэтому вести речь о существовании антропологической школы в уголовном праве можно лишь с большими оговорками и определенной долей условности. Кроме того, В. Соловьев верно заметил, что «название антропологической школы не отвечает ее действительному характеру; в самом деле, именно то, что составляет отличительную особенность человека, его нравственная личность, не останавливает на себе внимание этой школы» [8, с. 116]. Поэтому мы убеждены, что с учетом современных достижений в философии и теории права антропологическое направление в уголовном праве должно получить развитие на новом методологическом уровне в направлении гуманизации уголовного права и познании человека [11, с. 232–239]. Очевидно, что в преступном деянии духовная сторона играет не мень-

шую роль, чем физическая. Кроме того, масштабы современных проблем, возникших перед человечеством, могут быть осознаны и решены только в рамках такой научной теории, центральным ядром которой является сам человек.

Рассмотрение положений антропологической школы не позволяет определить тот тип правопонимания, который оказал основное влияние на ее формирование. Идеи, высказанные Ч. Ломброзо и его приверженцами, не имеют серьезных оснований на уровне теории или философии права. Необходимо подчеркнуть, что не всякая научная школа на уровне отрасли права имеет свое родовое понятие на более высоком уровне. Помимо всего, сходные по названию правовые и философские явления могут не иметь общих корней, по-разному пониматься и интерпретироваться.

Важным этапом развития науки уголовного права является возникновение социологической школы. Основные научные идеи этого направления были сформированы в конце XIX в. В основе взглядов на преступность сторонников социологической школы лежала теория факторов, впервые предложенная Э. Ферри [5]. Как правило, выделяют три группы факторов: 1) социально-экономические (безработица, бедность, проституция); 2) физические, или космические (климат, время года или суток, погодные условия); 3) индивидуальные, или биологические (пол, возраст, темперамент). По мнению значительной части представителей рассматриваемой школы, основанием уголовной ответственности должно служить не совершение преступления, а опасное состояние личности. Однако эта теория значительно отличалась от теории прирожденного преступника, поскольку предлагались конкретные средства исправления и нейтрализации противоправного поведения человека в период, когда он еще не совершил преступления и не стал преступником. Основная задача представителей социологической школы состояла в раскрытии сути социальных явлений, непосредственного содержания норм уголовного права в их социальном бытии. Как и сторонники антропологического направления, «социологи» сосредоточили основное внимание не на преступном деянии, а на личности преступника.

Главное различие между названными подходами заключается в том, что первые исследовали биологическую природу причин преступности, а вторые – ее зависимость от социально-экономических и иных факторов.

На формирование социологической школы права оказали влияние различные типы правопонимания – от естественно-правового до психологического. Выделить доминирующий тип правопонимания весьма сложно. В целом социологическая школа права находилась под влиянием философских идей позитивизма.

Ни одно из рассмотренных нами направлений (школ) в чистом виде не существует: указанные идеи время от времени доминируют при формировании национальных уголовных законов, определяя формальный или материальный характер преступления. В случае равновесного учета идей вышеназванных школ законодатель использует формально-материальное определение преступления. По существу, в рамках научного анализа этих подходов на протяжении последних двух столетий в теории уголовного права происходило развитие учения о преступлении.

Анализ основных школ уголовного права не дает ответа на вопрос о том, что такое преступность, преступление и наказание, а также каков смысл назначения последнего. Тем не менее в разных странах постоянно устанавливается уголовная ответственность за те или иные деяния (криминализация), назначаются различные виды наказаний, превращая, по мнению отдельных ученых, уголовную юстицию в индустрию [12]. При этом крайне мало внимания уделяется вопросам фундаментального, онтологического характера применительно к тому явлению, которое принято называть преступлением (преступностью), и всему, что с этим связано. По нашему мнению, уголовно-правовой науке недостает философского осмысления данной проблемы.

Очевидно, что природа преступления и преступности имеет глубокий характер и знание об этом формируется не только под влиянием определенных школ. Существуют не менее значимые факторы, имеющие онтологический характер. Тем более указанные направления (школы) в уголовном праве – это сугубо западноевропейское явление, которое не распространяется на все страны мира. Поэтому природу преступления невозможно понять, не рассмотрев концепт Преступного – того, из чего в определенных исторических условиях возникает конкретное представление о преступлении и преступности, что может являться доминирующим при формировании конкретного уголовного закона или конкретного правового решения (прецедент) [13, с. 157–158].

Понимание Преступного без его философского осмысления невозможно. Именно философия является носителем концептуального представления о добре и зле. Однако то, что считается в тот или иной период злом, не становится автоматически преступлением. Конкретное проявление зла, как и добра, всегда оценочно. Когда такую оценку дают люди в повседневной жизни, то добро означает нравственно-положительное, а зло – нравственно-отрицательное. Для «превращения» зла в преступление необходима соответствующая реакция (санкция) государства (власти), так как именно государство определяет преступность и наказуемость деяния. Такая оценка осуществляется в рамках проводимой

государственной политики (уголовно-правовой политики). Пересечение философского понимания о добре и зле и его политическая оценка формируют представление о Преступном.

Философия, политика и государство имеют длительную историю, чего нельзя сказать о Преступном, которое в условиях традиционного общества не могло формироваться, поскольку такое общество было сакральным по своей сути. Наличие зла объяснялось по-разному, но оно прямо не проистекало из природы человека. Только в Новое время, когда в философии и политике произошли коренные трансформации и парадигма человека сменилась парадигмой индивидуума, понятие зла приобрело иной смысл. Именно в условиях профанного общества сформировалось Преступное и, следовательно – современное представление о понятии преступления.

На осмысление Преступного существенно влияет доминирующий в обществе тип правопонимания. Тип правопонимания как парадигма познания права – это теоретико-методологический подход к формированию образа права и пониманию его сущности; он осуществляется с позиций того или иного теоретического видения проблемы в рамках определенной методологии анализа. С учетом того, что пока нет однозначного ответа на вопрос, что является правом, то, разумеется, в раскрытии понятия правопонимания и классификации его типов единство также отсутствует.

Кроме обозначенных факторов, на формирование понимания Преступного влияют тип научной рациональности, преобладающие в обществе идеология и отношение к религии. Совокупность указанных и иных менее значимых, но также важных обстоятельств определяет понимание Преступного, из которого в свою очередь формируется понятие преступления.

1. Шапиев, С.М. Преступность и общество (криминологическое и теоретико-прикладное исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / С.М. Шапиев. – СПб., 2000. – 450 с.

2. Основания уголовно-правового запрета (криминализация и декриминализация) / В.Н. Кудрявцев [и др.] ; отв. ред. В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлев. – М. : Наука, 1982. – 303 с.

3. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа. – М. : НКЮ СССР, 1939. – 463 с.

4. Волженкин, Б. В. Эволюция уголовного законодательства / Б. В. Волженкин // Современные проблемы и стратегия борьбы с преступностью / науч. ред. В.Н. Бурлаков, Б.В. Волженкин. – СПб. : Издат. Дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2005. – 592 с.

5. Ферри, Э. Уголовная социология / Э. Ферри / сост. и предисл. В.С. Овчинского. – М. : ИНФРА-М, 2005. – 658 с.

6. Трайнин, А.Н. Система общей части уголовного права / А.Н. Трайнин // Совет. государство и право. – 1946. – № 5–6. – С. 8–21.

7. Реунов, В.П. Типы правопонимания и проблема источников и форм права / В.П. Реунов // Вестн. Перм. ун-та. – 2010. – № 2 (8). – С. 54–70.

8. Соловьев, В. Право и нравственность / В. Соловьев. – Минск : Харвест. – М. : АСТ, 2001. – 190 с.

9. Фуко, М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы / М. Фуко / пер. с фр. В. Наумова ; под ред. И. Борисовой. – М. : Ad Marginem, 1999. – 478 с.

10. Кристи, Н. Причиняя боль. Роль наказания в уголовной политике / Н. Кристи; под общ. ред. Я.И. Гилинского; пер. с англ. В.М. Когана, Л.И. Альперн ; под ред. А.М. Яковлева ; вступ. ст. А.М. Яковлева и В.М. Когана, пред. Х. Зера. – СПб. : Алетейя, 2011. – 164 с.

11. Савенок, А.Л. Человек в уголовном праве, или Об антропологической недостаточности уголовно-правового регулирования / А.Л. Савенок // Этические и антропологические характеристики современного права в ситуации методологического плюрализма : сб. науч. тр. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; под общ. ред. В.И. Павлова, А.Л. Савенка. – Минск : Акад. МВД, 2015. – 243 с.

12. Кристи, Н. Борьба с преступностью как индустрия. Вперед, к Гулагу западного образца / Н. Кристи ; пер. с англ. А. Петрова, В. Покровской ; предисл. Я.И. Гилинского. 2-е изд. – М. : РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2001. – 224 с.

13. Савенок, А.Л. В поисках Преступного / А.Л. Савенок // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для органов внутренних дел : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 3 апреля 2015 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; отв. ред. А.В. Яскевич. – Минск, 2015. – 394 с.

УДК 343.2.7

Э.А. Саркисова, Д.В. Шаблинская

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ КАК НАУЧНАЯ КАТЕГОРИЯ И ПРАВОВОЕ ЯВЛЕНИЕ

В уголовно-правовой литературе современного периода актуализировались исследования сложной и многогранной научной категории «уголовно-правовое воздействие». Однако, несмотря на активную разработку проблем уголовно-правового воздействия советскими и российскими учеными, многие аспекты данной научной проблемы не имеют единообразного решения. В белорусском праве уголовно-правовое воздействие как феномен, рассматриваемый в контексте общих, концептуальных вопросов, касающихся его понятия и сущности, содержания, механизма, объекта, субъектов и т. д., относится к числу наименее разработанных, чего нельзя сказать о конкретных мерах уголовно-правового воздействия. Отечественные исследователи Т.П. Афонченко, Л.В. Багрий-Шахматов, М.А. Ефимов, С.В. Казак, И.В. Кучвальская, А.И. Лукашов, Е.В. Новикова, Г.Н. Серeda, И.М. Сеница, В.И. Степаненко, Т.Г. Хатеневич, В.М. Хомич, В.Б. Шабанов, А.В. Шидловский и др. рассматривали и продолжают глубоко изучать проблемы уголовной ответственности и, в частности, наказания.